

УДК 32
ББК 66
К 126

К 126 КАВКАЗ. Ежегодник КИСМИ. - Ереван, Кавказский институт СМИ, 2006. - 359 с.
Второй выпуск ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2004 года на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь внутренне- и внешнеполитическим, аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2004 г. В приложении имеется хронология, статистические данные, списки книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Редактор А. Искандарян
Редколлегия: Н. Искандарян, А. Карагулян, С. Минасян
Дизайн обложки студии «Матит» www.matit.am
Макет и географические карты: студия «Коллаж»

The Caucasus Yearbook. - Yerevan, CMI, 2006. - 359 p.
The second CMI Yearbook sums up year 2004 in the Caucasus based on talks given by scholars from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Russia and Turkey at the Yearly CMI conference. The bulk of the volume are analytical papers on a number of issues, primarily in the area of domestic and foreign policy, of the Southern and Northern Caucasus. Appendices contain brief chronology, statistics, lists of books about the Caucasus, maps and web links.

Editor A Iskandaryan
Editorial team: N Iskandaryan, A Karagulyan, S Minasyan
Cover design by Matit www.matit.am
Layout and maps by Collage

ISBN 99941-2-028-x

ББК 66
© КИСМИ, 2006 г.
© 2006 by Caucasus Media Institute

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	4
<i>Статьи</i>	
А.Искандарян Феномен цветных революций как ядро политического дискурса в странах Южного Кавказа	6
А.Юнусов Азербайджан периода Ильхама Алиева	16
Г.Арешидзе Государственное строительство и правление в новой Грузии	46
С.Золян Это сладкое слово «стабильность». Армения в 2004 г.	87
Л.Арутюнян «Общество ни войны ни мира» и перспективы мирного разрешения карабахского конфликта	104
А.Хачатрян Энергетическая безопасность стран Южного Кавказа - роль стран региона и внешних сил	111
С.Арутюнов Россия на Северном Кавказе	129
М.Баснукаев Чеченский регион: риторика и реальность	136
А.Скаков Россия и страны Южного Кавказа: 2004 г.	146
И.Торбаков Изменения в Турции и кавказская политика в 2004 г.	182
Д.Петросян Непризнанные государства Кавказа: тенденции развития	190
<i>Приложения</i>	
Основные экономические тенденции развития стран Южного Кавказа	291
2004 год на Кавказе: краткая хронология	297
Книги о Кавказе, вышедшие в 2004 г.	322
Некоторые интернет-ресурсы о Кавказе	336
<i>Об авторах</i>	342
<i>Географические карты</i>	343
<i>Примечание редактора</i>	
1. Кавказ. Вид из космоса	344
2. Кавказ. Политико-административная карта	345
3. Кавказ. Этнографическая карта	346
4. Черноморско-каспийский регион	347
Схема трубопроводов	
Contents/Authors/Summary	348
<i>Издания Кавказского института СМИ</i>	352

тому рамки анализа не могут совпадать с хронологическими, ибо для объяснения происшедшего в 2004 г. нам необходимо понять как то, что происходило ранее, так и к каким последствиям, уже зримым в настоящее время, это привело. И здесь, применительно к процессам, происходящим в Армении, с особой наглядностью проявляется несовпадение астрономического и политического календарей. Более того, различные политические силы живут по различным календарям.

Согласно оппозиционному дискурсу, ситуация заморожена на отметке начала 2003 г. Если посмотреть, какие темы обсуждаются сегодня в прессе, какая политическая повестка предлагается сегодня обществу, то очевидно, что водораздел между властью и оппозицией носит и временной характер - оппозиция все еще не оправилась от результатов президентских выборов в феврале-марте 2003 г. и в качестве главного вопроса до сих пор поднимает проблему легитимности (точнее, нелегитимности) президента.

Состоявшиеся непосредственно вслед за президентскими в мае 2003 г. выборы в парламент оказались продолжением президентских, что и определило конфигурацию политических сил - разделительные линии определялись не какими-либо идеологическими или социально-политическими факторами, а предшествующей ситуацией: кто поддерживал президента Роберта Кочаряна и кто выступал против него. Поэтому в последующем эти выборы даже у оппозиции особого раздражения не вызывали, хотя, безусловно, имевшие место в ходе подсчета голосов нарушения, казалось бы, должны были сказаться на количестве полученных оппозицией депутатских мандатов. Однако парламентские выборы особого раздражения не вызывают, во всяком случае, вопрос о нелегитимности парламента если и под-

¹ Различие между событийным и процессуальными рядами дано нами в работах: Золян С. Описание регионального конфликта как методологическая проблема // Полис, №2, 1994; Золян С. Нагорный Карабах: проблема и конфликт. Ереван, 2001. Первая относится к уровню наблюдения и фиксации, вторая - описания (интерпретации). Далеко не все, что происходит, может быть описано как событие. В лингвистической семантике и нарратологии (теории дискурса) определение параметров события/не-события является одной из центральных проблем. Приведем обзоры: Tenny C., Pustejovsky J. A History of Events in Linguistic Theory // Events as Grammatical Objects / Ed. by Tenny C., Pustejovsky J. Stanford, 2000; Partee B. Some Remarks on Linguistic Uses of the Notion of "Event". - Ibid; Шмид В. Нарратология. М., 2003. В.Шмид, следуя принятой традиции, как первое условие событийности называет релевантность изменения, далее по степени значимости следуют такие условия, как непредсказуемость, консекитивность, необратимость и неповторяемость.

нимался, то только как риторический. Дело в том, что главным политическим требованием оппозиции во время парламентских выборов была отставка президента, и вполне логично, что, придя в парламент, оппозиция сосредоточилась именно на этом вопросе. Не достигнув удачи, она предпочла бойкотировать парламентские заседания - в самом деле, если, как и объявлялось, ни один из вопросов не может получить удовлетворительного решения при нынешнем президенте, то единственным стоящим занятием может быть только требование непризнания результатов президентских выборов и досрочные президентские выборы. Все остальные действия - вплоть до столь решительных, как уличные шествия и демонстрации, а также перенос рассмотрения вопроса в Парламентскую ассамблею Совета Европы - были не столько самостоятельными, сколько запоздалыми рефлексамии событий предыдущего года. Аналогично, все проблемы и вопросы рассматривались не сами по себе, а сквозь призму весьма пристрастного отношения к результатам президентских выборов и возможности их пересмотра. Даже столь существенные вопросы, как проблема Карабаха или же новой Конституции, ставятся в зависимость от отношения к президенту: негативное отношение к президенту распространяется на любую из его инициатив.

В свете этого политического календаря 2004 г. для оппозиции еще и не наступал, все еще продолжается март 2003 г. И не случайно, что признаваемые оппозицией ключевыми и наиболее важными события 2004 г. - апрельские события² - походили именно на пост-выборные процессы и, что выяснилось несколько позже, очень напоминали то, что в других государствах СНГ происходило не через год, а непосредственно после выборов. Эта то, что впоследствии получило название «цветных революций» - массовые выступления и,

² В ночь с 12 по 13 апреля 2004 г. произошло прямое столкновение между поддерживающими оппозицию пикетчиками и полицией. После санкционированного митинга оппозиции с требованием о проведении референдума о недоверии президенту часть демонстрантов двинулась к президентскому дворцу, но у здания парламента остановилась перед срочно установленными заграждениями. Митингующие устроили несанкционированный пикет и остались на ночь. Власти расценили это как нарушение общественного порядка. После отказа разойтись полиция рассеяла пикетчиков силой, значительная часть участников митингов и пикетов впоследствии была подвергнута и административному наказанию. Международные организации оценили действия властей как неадекватное применение силы, кроме того, им было предложено внести изменения в административное законодательство, позволяющее задерживать участников несанкционированных митингов и шествий.

возможно, акции гражданского неповиновения с требованием пересмотра результатов выборов. Однако, к несчастью для оппозиции, понятие «цветной революции» появляется позднее, после декабрьских событий в Грузии. Это приводит к определенной неадекватности как действий недовольных результатами выборов сил, так и реакции международных организаций. Получилось, как в сказке о дураке, который плакал на свадьбе и плясал на похоронах. Оппозиция выводила своих сторонников на улицу тогда, когда международные организации не поощряли подобные действия и призывали к переговорам и переносу рассмотрения в судебные инстанции. И наоборот, тогда, когда результаты выборов уже были свершившимся фактом, оппозиция заявляла о своей приверженности исключительно «конституционным» акциям (то есть апелляциям в международные организации). Упустив время, когда протестные акции могли возыметь какое-либо воздействие, оппозиция в то же время сочла себя вправе в июне 2004 г. проигнорировать призыв Парламентской ассамблеи Совета Европы вернуться в парламент и вступить в диалог с властями. Поскольку потенциал протестных акций уже почти сходил на нет, это был удобный предлог заявить об изменении тактики в знак доброй воли и уважения к Совету Европы, к которому оппозиция апеллировала до этого. Тем более, что правящая коалиция была готова признать за оппозицией по ряду ключевых вопросов право вето - например, по конституционным изменениям. Однако оппозиция - к удовольствию многих властных структур - предпочла курс на конфронтацию уже не только с властями Армении, но даже и с соответствующими структурами Совета Европы, обвинив их в двойных стандартах.

Во многом «перенос» поствыборных процессов более чем на год был вызван решением Конституционного суда в апреле 2003 г. Это решение, подтверждая результаты выборов, тем не менее содержало пункт о желательности проведения референдума о доверии президенту в следующем, 2004 г. Это по сути не правовое, а политическое решение Конституционного суда позволило всем участникам сохранить лицо: власть, и, в первую очередь, президент интерпретировали решение Конституционного суда как подтверждение своей легитимности. Международные организации, которые до этого достаточно критически оценили проведение выборов, но, тем не менее, воздерживались от того, чтобы ставить под сомнение их результаты, приветствовали это решение как приемлемый компромисс и возможность, поскольку тема выборов не была закрыта, исправить си-

туацию к следующему году. И, наконец, оппозиции это решение давало повод прекратить явно идущую на спад уличную активность и достичь своих целей уже в будущем году, путем референдума выразив недоверие президенту. Всеми участниками это приветствовалось как перенос проблемы в «конституционную сферу» и «продолжение политических процессов конституционными методами». Даже последовавшие вскоре (май 2003г.) выборы в парламент оппозиция рассматривала как необходимый этап реализации программы по отстранению президента от власти. Впоследствии, когда Конституционный суд дезавуировал свое первоначальное решение, делаются попытки превратить референдум по принятию поправок к Конституции в референдум о доверии президенту. И это притом, что президент, по крайней мере, официально, не имеет отношения к выносимому на референдум проекту поправок, представленному за авторством коалиции. Очевидно, однако, что решение Конституционного суда, как и его толкования, не были решением проблемы - сама проблема осталась и была перенесена на следующий год.

Если вследствие этого на оппозиционном календаре все еще оставался 2003 г., то наблюдения за поведением властных и провластных политических структур показывают, что, напротив, для них 2004 г. уже позади: сегодня активнее всего идет поиск кандидата в президенты, который стал бы преемником действующего президента. Это заметно даже по формулировкам: так, интенсивно обсуждается вопрос, кто будет преемником Кочаряна³, кто придет на смену Кочаряну. На вопрос «Кто вместо Кочаряна» наложено табу - провластные силы исходят из того, что новый президент будет из их лагеря и, стало быть, в силу своей лояльности не может не пользоваться поддержкой нынешнего; что касается оппозиции, то любой конкретный ответ на вопрос «Кто вместо Кочаряна» не обсуждается, чтобы не вносить раскол в лагерь оппозиции. А вопрос о том, какая партия получит большинство в парламенте 2007 г., если и обсуждается, то в лучшем случае мимоходом. Когда в прессе уделяется внимание парламентским выборам 2007 г., то только применительно к тому, какое они окажут влияние на президентские выборы 2008 г. Очевидно, что парламентские выборы окажут значительное влияние на президентские, но, безусловно, именно фактор президента окажет куда большее влияние на окончательную конфигурацию и позицию

³ По действовавшей Конституции, равно и как и принятым на референдуме поправкам, полномочия президента ограничиваются двумя сроками.

парламента: при столь сильной зависимости политических процессов от президента неизбежно произойдет ориентирование ранее избранных депутатов на победителя. Как показали события в январе-феврале 1998 г., при смене первого лица даже весьма внушительное парламентское большинство рассыпается в одночасье. И поэтому вовсе не случайно, что почти все происходящие в настоящее время события освещаются именно в контексте президентских выборов - в том числе и местные выборы 2005 г., которые также интересуют обозревателей и аналитиков не сами по себе, а с точки зрения того, как они повлияют на выборы 2008 г. В частности, отмечается прогнозируемое усиление позиций Республиканской партии в местных органах власти, что дает ей ранее отсутствовавшие шансы на выдвижение собственного кандидата.

Однако из того, что провластные силы сегодня «думают» о выборах 2008 г., вовсе не следуют, что они «опережают время». За прошедшее после выборов время властями не было намечено каких-либо серьезных программ. Вся деятельность сводилась лишь к отражению возможных угроз со стороны оппозиции во внутренней политике, а во внешней - довольно неуклюжому лавированию и действиям, исходящим из постоянно меняющейся конъюнктуры. По сути, подобное бездействие или же имитация деятельности лишь подчеркивает, что президентские выборы служат как самодостаточный механизм для достижения, а затем и сохранения власти, а не как инструмент для выбора и осуществления стратегических программ.

Имеющая место раздвоенность между прошедшими и будущими президентскими выборами, по сути, девальвирует все, что лежит в промежутке между ними. И сегодня мы одновременно оказываемся и в прошлом, и в будущем. Такая ситуация возможна только в том случае, если время остановлено. Точнее, царит неизменное, остановленное, поскольку в нем ничего не происходит - настоящее⁴. Или, на более привычном политологическом жаргоне, достигнута стабильность.

Каковы причины сложившейся ситуации? Вышеотмеченная за-

⁴ Парадоксальным образом лишенная динамика стабильность напоминает концепцию не-существования времени по Августину Блаженному: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени - настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. ... Каким же образом уменьшается или исчезает будущее, которого еще нет? каким образом растет прошлое, которого уже нет? Только потому, что это происходит в душе, и только в ней существует

консервированная Конституцией авторитарная институциональная система становится все менее способной к внутренней динамике, а внутри системы ее ядро - президентская составляющая - приобретает еще больший вес. Президентские выборы 2003 г. задали столь сильную инерцию, что состоявшиеся спустя три месяца парламентские были их продолжением. Как перед парламентскими выборами, так и после них политические и претендующие на этот статус силы разделились не в зависимости от своих идеологических или экономических установок и не в зависимости от своих внешнеполитических ориентаций - прозападные они или проамериканские, проросийские или проафриканские. Главным было другое - поддерживали ли они на президентских выборах и после выборов, во время оспаривания их результатов, Роберта Кочаряна, или же занимали противоположную позицию. Что, кстати, в силе и до сих пор. Примечательно, что если до сих пор водораздел между партиями проходит в зависимости от того, как они вели себя во время президентских выборов, то совсем иное отношение к парламентским - здесь действует принцип «не поминать старое», и это распространяется не только на сегодняшних союзников, но и на отношения между провластными и оппозиционными партиями. Забыты достаточно серьезные взаимные обвинения - вплоть до «политического куртизанства» и фальсификаций результатов выборов, хотя, безусловно, они забыты не совсем и могут быть озвучены в подходящий момент.

Поэтому и состав парламента отразил ситуацию, сложившуюся в период президентских выборов. При этом провластные структуры, учитывая их положение в существующей иерархии, образовали как бы две лиги. В высшую лигу вошли три основные партии: «Республиканская», «Дашнакцутюн», «Оринац Еркир», которые, имея значительные фракции, обладают подавляющим большинством в парламенте. Однако по отдельности их голоса недостаточны даже для блокирования какого-либо решения. Вторую лигу составили фракции, прошедшие в незначительном количестве, либо же не преодолевшие 5-процентный барьер и оставшиеся вне парламента «дублеры». На этой основе произошел любопытный симбиоз исполнительной и законодательной власти, который получил назва-

три времени. Она и ждет, и внимает, и помнит то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает». Словами Августина можно очень точно и красиво выразить и отношение ко времени провластных и оппозиционных деятелей: «Кто станет отрицать, что будущего еще нет? Но в душе есть ожидание будущего. И кто станет отрицать, что прошлого уже не? до сих пор есть в душе память о прошлом».

ние «КОАЛИЦИЯ». Это симбиоз между внепартийной президентской властью (власть премьера весьма специфична, и хотя в определенные периоды может быть и весьма значительной, но зависит от других факторов и самостоятельным фактором не является) и партиями, источником легитимизации которых оказывается именно президентская власть, которая и решает, говоря словами поэта, «кому быть живым и хвалимым // Кто должен быть мертв и хулим». Что и было оформлено как соглашение между президентом и тремя вышеупомянутыми партиями о разделе власти (распределении должностей). Так называемый «компромисс» был достигнут не за счет разделения властей, а за счет их фактического слияния.

В чем смысл этого симбиоза или компромисса? Те три партии, которые вошли в высшую лигу, составили правительство при определяющем участии и четвертой стороны - президента, сохранившего за собой контроль над рядом ключевых позиций⁵. Сложилась весьма устойчивая и стабильная структура, которая никому не дает возможности выйти вперед: та партия из триумвирата, которая за счет каких-либо действий попытается оторваться от коллег, будет заблокирована другими. Если же они попытаются совместно предпринять что-то, всегда есть возможность заменить «нехорошо» играющих игроков на дублеров - это постоянно заявляющие о готовности «взять на себя ответственность» две другие пропрезидентские фракции в парламенте. Кроме них, есть еще не представленные в парламенте и лояльные к президенту партии, которые заявляют о непредставительном характере парламента и о своей готовности в результате новых выборов стать «настоящей», а не «мнимой» опорой президенту.

Так что как крайний вариант возможен и роспуск парламента, и новые выборы с новым пропрезидентским большинством. Однако и сам президент не самостоятелен в своих действиях и в определенной степени становится заложником создавшейся институциональной системы. Он, не имея собственной партии, в результате коалицион-

⁵ За президентом остается право назначения руководителей силовых структур (в том числе таможенной и налоговой служб), которые, за исключением министра обороны, выведены из структуры правительства, а также министров иностранных дел и юстиции. Что касается остальных министерских портфелей, то право их выдвижения президент уступил составляющим коалицию партиям. В этих министерствах по комплементарному принципу за партиями зарезервированы и должности заместителей и руководителей ведомств. Тот же принцип распространяется на Национальное собрание и органы территориального управления.

ного соглашения с партиями, уступил им контроль над значительной частью госчиновничества. Не имея вне государственной машины каких-либо собственных ресурсов, он вынужден полагаться на лавирование и регулирование хрупкого баланса между различными силами. Возможно, подобная конструкция в иных условиях и могла бы сыграть положительную роль, поскольку призвана обеспечивать консенсус и на его основе дальнейшие совместные действия. В ряде случаев это, возможно, и происходит, как это было во время выборов 2003 г. Но куда чаще случается так, что в подобной ситуации основные игроки скорее мешают друг другу, чем помогают осуществлять какие-либо (будь то совместные или по отдельности), но осмысленные действия. Ибо, вне зависимости от благих намерений ее создателей, подобная конструкция создана для того чтобы мешать друг другу, но не сотрудничать.

Поэтому не надо удивляться тому, что 2004 г. был «пуст» на события. Оказалась законсервированная ситуация выборов 2003 г. И это произошло в основном в результате действий властных и провластных структур, хотя о продекларированном желании «вернуться» в 2003 г. больше говорит оппозиция. Однако и на оппозиционном поле мы видим аналогичную ситуацию, здесь также создается своеобразная система «сдержек и противовесов» - две основных оппозиционных силы блокируют друг друга и торпедируют инициативы друг друга и в то же время совместно не дают возможности появиться на оппозиционном поле какой-либо иной силе. Поэтому, несмотря на весьма категоричные декларации, в целом царит общее «понимание» того, что следует воздерживаться от резких действий - они могут оказаться губительными для системы, и тот, кто первый начнет шаги по ее демонтажу, скорее всего, окажется под ее обломками. Сложившаяся система в действительности является довольно хрупкой, поскольку ее стабильность обеспечивается не базовым консенсусом, а за счет гласных и негласных закулисных договоренностей.

Однако было бы по крайней мере наивным возлагать ответственность за существующую ситуацию на некоторых безответственных и ленивых политиков. Совсем не их желания и действия оказываются определяющими, причины не в том кто, как и о чем могут договориться. Ожидать нового не приходится, поскольку нынешняя ситуация есть принимающее все более завершенный вид следствие той институциональной структуры, которая сформировалась и действует с 1995 г., когда впервые для властей стало практикой широкомасш-

табная фальсификация выборов и стала действовать - принятая в том же году на референдуме со значительными нарушениями - авторитарная конституция.

Действующий с того времени процесс можно условно назвать «евроинтеграцией» в кавычках. Именно в 1995 г. была провозглашена стабильность как главный приоритет политики, и тогда же через конституционное законодательство были имплементированы институты западной демократии, был взят курс на евроинтеграцию. В реальности это было прекрасное решение, казалось бы, неразрешимой задачи - как измениться, ничего не меняя. Это путь создания новых структур с новыми наименованиями, новыми этикетками, которые, однако, сразу же наполняются старым содержанием⁶. Публичная политика приобретала все более имитационный характер, тогда как реальный процесс принятия решений, напротив, уходил в тень.

Особо показателен в этом отношении процесс внесения изменений в действующую Конституцию. Необходимость скорейшего принятия новой Конституции была провозглашена как один из важнейших пунктов предвыборной программы президента еще в 1998 г. Под патронажем самого президента были созданы комиссии, деятельность которых не выходила за рамки экспертных разработок. Чем дальше, тем больше все поправки принимали вид редакционных уточнений, а не новых конституционных норм. Окончательный вариант по сути уже не отличался от действующей конституции. Новый импульс эта деятельность получает в 2001 г. - при вступлении в Совет Европы скорейшее изменение Конституции становится одним из обязательств Армении. Однако и в этом случае не столь принципиальные изменения в результате совместного бездействия властей и противодействия оппозиции были успешно провалены на референдуме 2003 г. Но даже эти изменения казались чересчур радикальными, и в 2004 г. новый вариант, подготовленный коалицией, еще меньше отличался от действующей Конституции⁷.

Консервация сложившейся в 1995 г. системы приводит к тому, что, несмотря на все происходящие в последние годы коллизии, в Армении партия власти не сменялась - чиновники и силовые струк-

⁶ См. подробнее: Золян С. Институты западной демократии и армянские реалии // Армения на пути в Европу. Ереван: Армянский центр гуманитарных исследований, 2005, (на арм. яз.). В основе статьи - доклад, прочитанный еще в 1998 г., что лишний раз говорит об укорененности ситуации.

⁷ Таким был вариант, принятый в первом чтении в мае 2005 г. Лишь после резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы в июне 2005 г., в которой

туры, которые под разными партийными флагами или же без этих флагов сохраняют свои позиции в сфере государственного управления и связанного с ним бизнеса. Оппозицию же формируют в основном те, кто лишился этих рычагов и стремится - опять-таки под разными партийными флагами - вернуться во властные структуры. Партия власти и оппозиция в этом отношении столь же константы (хотя в кадровом отношении текучи), как, скажем, демократы и республиканцы в США. Возможно, поэтому зачастую столь же неуловимы и чем далее тем становятся менее значимыми идеологические и стратегические различия между властью и оппозицией, и основное несогласие оппозиционеров с властями в последнее время редко когда оформляется как осмысленные программные требования, а сводится к упреку «вы делаете плохо то, что нужно делать хорошо». (Ответ властей: «в отличие от вас, только мы и делаем хоть что-либо»).

Именно отсутствие четких и осмысленных идеологических и программных различий приводит к ситуации, когда основной водораздел между политическими силами определяется по их отношению к президенту. В ряде случаев трудно понять, чем еще отличаются провластные силы от оппозиционных. Дело может доходить до случаев, стоящих на грани курьеза. Так, если сравнить между собой главную провластную партию, хребет коалиционного правительства и парламентского большинства, Республиканскую партию и наиболее радикальную (как сейчас говорят - непримиримую) оппозиционную «Республика», постоянно призывающую к революции и регулярно предсказывающую падение режима, то, помимо названий, они отличаются еще и тем, что в Республиканской состоит действующий премьер и действующие министры, а в вышедшей из нее партии «Республика» - бывший премьер и бывшие министры. Но и в других случаях, между оппозиционным и провластным лагерями трудно найти какие-либо иные отличия, кроме личностных факторов. Различаются представления о том, кто должен быть у власти и

достаточно резко было указано на необходимость учета замечаний Венецианской комиссии (Комиссии Совета Европы по конституционным реформам) и неприемлемость для Совета Европы выноса на референдум проекта, в него вошли поправки, действительно изменяющие распределения полномочий между различными ветвями власти и корректирующие существующий дисбаланс. Как основные недостатки действовавшей тогда Конституции были названы несбалансированные полномочия президента, слабость местного самоуправления и отсутствие реальной независимости судебной власти.

кому она должна принадлежать. Однако вопросы - зачем? в каких целях? и для чего эту власть использовать - если и поднимаются, то дело до вразумительных ответов не доходит. Уже стал присказкой привычный ответ лидера крупнейшего оппозиционного блока «Мы знаем что делать, зачем и благодаря кому», но и ответы других лидеров, как из партии власти, так и оппозиции не особо отличаются большей осмысленностью. Тот факт, что политические и институциональные отличия во многом сводятся к личностным аспектам, безусловно, размывает институциональные основы политической системы и общества и еще более усиливает авторитаризм - даже безотносительно к индуцирующей его системе президентской власти.

Рассматривая события 2004 г., необходимо учитывать и то новое осмысление, которое они получают уже задним числом в контексте т.н. «цветных революций». До декабря 2004 г. события осмыслились сквозь перспективу 2003 г., когда еще и в помине не было цветных революций и политический процесс вращался вокруг легитимности президентских выборов, затем вокруг процедур Конституционного суда, далее Парламентской ассамблеи Совета Европы, то есть определяющими оказывались сугубо внутренние концепты, сформированные в календарных рамках 2003 г. Однако уже задним числом они приобретают новое измерение. Но «революция роз» в Грузии, затем «оранжевая революция» на Украине и «тюльпановая» в Киргизии приводят к смысловой переоценке происшедшего, точнее, непроизшедшего. События 2003 -2004 гг. начинают осмысляться как непроизшедшую, по вине в первую очередь самих умеренных деятелей оппозиции, цветную революцию, которую оппозиция, в духе привычных для нее манипуляций со временем, пытается перенести уже на 2005 г. , попытавшись превратить референдум по поправкам к Конституции в повод для массовых протестных акций и в конечном итоге для смены власти.

Цветные революции в других странах СНГ показали, на что именно могла рассчитывать оппозиция и чего она хотела достичь в 2003 г. Поскольку само это понятие приобрело в политологических дискурсах несколько мифологизированное значение, оговорим: мы не считаем их панацеей, которая спасет Армению от нынешнего режима и неминуемой гибели (как это изображается в оппозиционном дискурсе), и в то же время не считаем, что это нечто вроде СПИДа, занесенного коварными западными миссионерами, который приведет Армению к неминуемой гибели (провластные толкования). Мы исходим из того, что не может быть самоцелью ни революция, ни -

в равной мере - стабильность, которая в этом случае превращается в застой, и определяющим должен стать вопрос: для чего нужны или не нужны радикальные изменения?

Безусловно, в Армении есть потенциал для массовых протестов, но он был явно преувеличен. И ключевыми здесь являются не столько идеологические расхождения или внешнеполитическая ориентация, сколько социально-экономические факторы. До 70-80% населения Армении по международным стандартам сегодня находится за чертой бедности. Даже на фоне очевидного экономического роста, кривая которого в последние годы по официальным данным постоянно нарастает на 10-12% в год, все еще крайне остро стоит проблема бедности, если не нищеты значительной части населения. Блага от экономического роста распределяются крайне неравномерно и не способствуют преодолению бедности. Более того - происходящие начиная с середины 1990-х гг. экономические реформы в Армении имеют явно выраженную антисоциальную направленность и сводятся (применим выражение одного мексиканского политика) к приватизации доходов и социализации убытков, когда бедные оказываются вынуждены платить за богатых. Помимо крайне неравномерного распределения доходов и несправедливого налогообложения (напр., вузы, которые официально признаны особо крупными налогоплательщиками, платят больше, чем прибыльные предприятия, производящие алкоголь или эксплуатирующие недра), это проявляется в малом внимании к проблемам здравоохранения и образования, высоким показателем безработицы. Такая важнейшая после перехода к рыночной экономике проблема современной Армении, как выработка сбалансированных форм и методов решения социальных и экономических проблем, не только не была решена, но и по сути сегодня и не ставится. Неадекватность экономической политики также является следствием неэффективного государственного управления и замыкания всех процессов принятия решений в крайне ограниченном и не доступном для общественного контроля кругу. Огромный объем теневой экономики (по оценкам экспертов, до 70%) предполагает и теневое управление, и наличие теневого правительства. Поэтому реальная власть уходит туда, где она не прописана ни старыми, ни новыми конституциями - это аполитичные полукриминально-полубюрократические структуры. Криминал не отделен от государства, и криминал может показаться решающим ресурсом в политической борьбе.

Безусловно, столь сильное социальное расслоение служит источ-

ником постоянной социальной напряженности, крайне отрицательно отражается на общей социальной ситуации и может легко привести к росту недовольства, породив социальные и политические конфликты. Однако та часть оппозиции, которая рассчитывала, что существующее недовольство приведет к смене власти, явно переоценила его степень. Кроме того, улучшение социального положения так и не стало основным лозунгом оппозиции, на этом поле вели борьбу (между собой?) партии, составляющие провластную коалицию. Именно они обещают улучшить социальное положение и бороться с коррупцией, и ничего нового по сравнению с ними претенденты на роль лидеров революции не предлагали.

При этом действует и теневая система «сдержек и противовесов». В течение многих веков лишенное государственности армянское общество структурировалось неформальными связями «семья - род - община». Руководитель часто выступал и как посредник между «чужой» властью и «своей» общиной. Возникла замкнутая система, в которой обеспечение внешней защиты сопровождается внутренней эксплуатацией. Поэтому социальная дифференциация частично компенсируется возникающими клановыми и земляческими связями, связями по принципу «клиент - патрон». Рыночная экономика в Армении с самого начала развивалась если и не самими властными структурами, сколько под их контролем. Бизнес и политика сегодня - это некоторая иерархия «крыш». Поэтому закономерна и обратная трансформация - когда развившийся бизнес начинает оформлять себя в виде политических институтов, в первую очередь, партий. Партии обречены стать то ли кланами, то ли крышами. Так, на выборах 2003 г. достаточно эффективно заявили о себе партии, созданные на основе разветвленных централизованных структур, обслуживающих электросети (партия электриков), или филиалов банков. Крупный бизнес в состоянии создать крупные партии, мелкий - небольшие, но принцип остается тем же. Крыши становятся компонентами политики, и реальная политика из парламента уходит на улицу. Зависимость политической системы от клановых и бизнес-структур делает возможность «цветной революции» еще более призрачной.

Однако отрицая возможность «цветной революции» в Армении, мы не исключаем возможности ее имитации со стороны ищущих для себя еще больших возможностей представителей крупного бизнеса⁸.

Сторонники спонтанных революций не учитывают, что улица в Армении также приватизирована. Одна из самых серьезных проблем - это отсутствие среднего класса. В силу происшедших экономических изменений оказался вне Армении или же декалфицировался существовавший значительный класс специалистов, составлявший основу гражданского общества. Сегодня даже те, кто проповедует необходимость возрождения среднего класса, понимают под ним не специалистов, а мелких торговцев.

Не-институциональное развитие событий может подтолкнуть не оппозиция, а вступившие в жестокую конкурентную борьбу представители самой власти. Наиболее опасным представляется переход реальной власти от политических структур к неполитическим, и здесь уже нет предела, где, на какой стадии остановится этот процесс. Те силы, которые реально владеют улицей, вполне могут создать имитацию «цветной революции». В апреле 2004 г. при разгоне демонстраций так и до конца не выясненную роль сыграли так называемые «бритоголовые» - телохранители близко стоящих к власти крупных предпринимателей, которых в Армении, под влиянием российского политического жаргона, также называют «олигархами». Еще в 1996 г., во время введения в Армении чрезвычайного положения против массовых протестов против фальсификации президентских выборов, роль своеобразных «комиссаров» при милицейских и военных патрулях выполняли члены полувоенной общественной организации «Еркрапа» («Ополченцы»). «Бритоголовым» же в 2004 г. отводилась роль исполнителей «грязных дел» - забросать яйцами оппозиционного оратора, разбить камеру журналистов.

Как это часто бывает, уверовавшие в свою силу и безнаказанность исполнители нередко заступают место заказчиков. Происшедшие в мае 2005 г. разборки между независимыми полукриминальными силами и собственно телохранителями показали, что «обслуга» околополитических деятелей и на выборах, и при исполнении грязных заказов выходит из тени и готова к битве за власть присущими ей методами: стрельбой и поножовщиной. Как было сказано одним из главных участников, оказавшимся застреленным героями этой разборки, «город принадлежит хорошим ребятам, а не охранникам». Это показывает, что бытовая ссора была только поводом для вполне осознанной борьбы «за город», идеологически напоминающую эпические страницы потрясшей послевоенную сталинскую лагерную систему знаменитой битвы между «ворами» и «суками». А то, что инициаторам разборки удалось буквально за несколько минут соб-

⁸ Напомним, что это мнение было высказано в мае 2005 г. Как показали дальнейшие события, крупный бизнес решил войти в игру не путем массовых акций, а через создание собственных партий.

рать на окраине города в районе ТЭЦ около двухсот вооруженных пулеметами и автоматами бойцов, показывает, какие значительные ресурсы можно мобилизовать при имитации «цветной революции». Мягкий приговор главным действующим лицам разборки («за убийство по неосторожности»), и желание как можно скорее замять дело показывают, кому принадлежит значительная доля власти в современной Армении. Выказанная всеми без исключения политическими силами озабоченность никак не повлияла на ход судебного разбирательства.

Обобщая, можно наметить различные сценарии дальнейшего развития событий. Пессимистический предполагает углубление не получающих должного решения кризисных явлений, что в результате массовых протестных акций может привести к диктатуре или же дезинтеграции государственной власти, ее уже полному переходу в руки региональных или ведомственных «князьков». Оптимистический подход, напротив, предполагает, что достигнутая стабильность позволит принять меры, которые послужат снижению социально-экономической напряженности и усилению институтов гражданского общества и общественного согласия. Это имеет огромное значение и для решения стоящих перед Арменией внешнеполитических задач, прежде всего, карабахской проблемы.

Из всего комплекса мер, необходимых для восстановления гармоничных отношений между властью и обществом, отметим как основную проблему нормализацию обстановки вокруг выборов. Необходимо, чтобы все влиятельные политические силы, отказавшись от конфронтации, подготовили необходимые условия для проведения справедливых и свободных выборов. Впрочем, это пожелание достаточно утопично, напоминает идею всеобщего разоружения, однако серьезность ситуации и растущие аппетиты внеполитических игроков могут заставить стороны принять разумный компромисс о применении «неконвенциональных» технологий.

Оценивая в целом результаты 2004 г., воздержимся от однозначной оценки. Конечно же, 2004 г. - год упущенных возможностей. Год, когда не происходило ничего, что можно было бы назвать независимым событием, а не рефлексом предшествующей ситуации. Как для провластных, так и для оппозиционных сил ситуация была заморожена на отметке 2003 г. Можно радоваться тому, что ничего плохого не случилось. Можно сожалеть по поводу того, что не случилось и ничего хорошего.

Ситуация в стране медленно, но верно улучшалась. В то же время увеличилось отставание Армении от динамично развивающихся европейских стран, в том числе и еще недавно стоявших на том же уровне развития - вчерашних «братских» республик Балтии и Восточной Европы.